

берта по знаменитой книге «Наглядная Геометрия». В тексте он раздвоился в Кона и Фоссена. А в именном указателе его имя отошло к Кону, Фоссен же остался безымянным. Не повезло и выдающемуся советскому математику Л. Шпирельману. Его фамилия транскрибируется по-разному на нескольких страницах. Но, пожалуй, более существенное упущение связано с отсутствием в хронологии статьи Шпирельмана 1930 г. «Об аддитивных свойствах чисел». Эта работа оказала огромное влияние на развитие теории чисел и, несомненно, должна была бы быть учтена.

Дорофеев В. С. Улица Лопатто. Рассказ о сыне. Одесса, Гос. Акад. строит. и архитект., 1994. — 47 с.

Об историках науки и техники написано несправедливо мало. Тем приятнее, что 200-летие Одессы среди прочего отмечено выходом в свет брошюры, посвященной маститому профессору Государственной Академии строительства и архитектуры Александру Эдуардовичу Лопатто. Нелишним будет сказать, что, во-первых, Александр Эдуардович — сын известного ученого-химика, к тому же партизана Великой Отечественной войны Э. К. Лопатто, чьим именем в Одессе названа улица. И, во-вторых, это издание предпринято на средства ректората Академии, что в наши трудные времена заслуживает особого упоминания и признательности.

Научная жизнь А. Э. Лопатто не была безоблачной и простой, о чем подробно повествуется в брошюре. Но его талант, научная одаренность и целеустремленность позволили ему, преодолевая все препятствия, опубликовать за четыре с половиной десятилетия около 135 работ (в том числе и 20 монографий) общим объемом в 317 печатных листов. Его первой книгой был труд о деятельности В. Г. Шухова, поддержанный академиком С. И. Вавиловым и вышедший в издательстве АН СССР в 1951 г., хотя первые наброски этой работы относятся еще к предвоенным годам.

Затем были написаны книги о двух корифеях строительной науки и техники — А. Ф. Лолейте (1969) и Н. А. Белелюбском (1975), поднимавшие ключевые вопросы инженерных разработок, которые определяли магистральные направления развития научно-технического прогресса в этой отрасли.

Не имеют аналогов две обобщающие книги А. Э. Лопатто по истории строительной науки и техники: «Пролеты, материалы, конструкции» (1982) и «Из истории развития строительных конструкций» (1990). Обе они представляют собой единое целое, несмотря на то, что первая из них издана в Москве, а вторая — в Киеве. В этих трудах ученый дает интересный анализ развития представлений о функционировании строительных конструкций при разных силовых воздействиях.

Во многом уникальной историко-технической информацией насыщены также лекции и учебники, написанные Александром Эдуардовичем, это особенно относится к первому на украинском языке учебнику «Проектирование и монтаж железобетонных конструкций» (1971).

Не могут не вызвать восхищения сроки подготовки книги к печати: менее двух лет со дня проведения конференции.

Насколько мне известно, неутомимый Жан-Поль Пир готовится к осуществлению следующего, еще более грандиозного проекта: издание книги «Развитие математики в XX столетии». Учитывая результаты его предыдущей деятельности, можно надеяться на успех и этого «безнадежного начинания».

М. И. Монастырский

В 1991 г. А. Э. Лопатто издал первую книгу о своем отце, сейчас появилась и вторая работа, посвященная этому крупному ученому и патриоту.

Неутомимый исследователь, Александр Эдуардович продолжает работу и над очерками о виднейших ученых, инженерах-строителях: в 1994 г. вышел сборник (выпуски 4 и 5) «Видные ученые Одессы», где перу Лопатто принадлежат рассказы о жизни и деятельности знаменитых профессоров Б. Л. Николаи и Н. Н. Зарембо-Владычанского. Следует сказать, что все труды А. Э. Лопатто отмечены не только научной основательностью, но и безусловным литературным талантом — сочетание, к сожалению, нечасто встречающееся в современных научных изданиях. Видимо, этот факт также способствовал тому, что труды А. Э. Лопатто издавались в Москве, Киеве, Одессе, а его доклады на крупных совещаниях, конференциях и пленумах по истории науки и техники получали неизменную поддержку и пользовались успехом в Москве, Ленинграде, Харькове, Риге, Ташкенте, Софии, Веймаре...

Брошюра профессора В. С. Дорофеева, посвященная жизни, творческим исканиям и научной деятельности А. Э. Лопатто, написана интересно, ярко, с исчерпывающим знанием темы. Хотелось бы, правда, лучшего полиграфического исполнения издания, но это замечание лишь попутное.

Зная на протяжении многих лет А. Э. Лопатто как коллегу по историко-техническим исследованиям и даже будучи рецензентом двух его трудов, могу с полным основанием подтвердить справедливость и объективность прижизненного (что само по себе явление нечастое!) созданного В. С. Дорофеевым портрета ученого. Хочу лишь добавить, что А. Э. Лопатто еще и очень интересный собеседник. Ему с полным правом можно адресовать строки, написанные П. А. Вяземским за 100 лет до рождения Александра Эдуардовича:

...О ты, который нам явить с успехом мог
И своенравный ум и бесспорный слог,
В боренье с трудностью сплоч
необычайный...

Г. М. Щербо

Семинар по истории доклассической механики: Галилей «De motu antiquiora»

19—20 ноября 1994 г. в Ницце проходил очередной семинар, посвященный творчеству Галилео Галилея. Организовали и провели этот семинар Пьер Суффрен (Ницца) и Даниеле Наполитани (Пиза). Среди участников были: Мишель Блей, Энрико Джусти, Антонио Гарибальди, Карло Маккани, Арман Больё, Юрген Ренн и др. Темой обсуждения была одна из самых ранних работ Галилея — вариант трактата о движении, который известен под латинским названием «De motu antiquiora».

Название рукописи дал Антонио Фаваро — издатель полного собрания сочинений Галилея в 20 томах (Opere di Galileo Galilei. Edizione nazionale a cura di Antonio Favaro. Firenze, 1890—1909). Винченцо Вивиани — последний ученик Галилея, как он сам себя называл — в сочинении о геометрии Евклида (1674) упоминает о папке Галилея, хранящейся среди рукописей последнего и именно так надписанной. В этой папке, как он утверждал, лежали четыре рукописных фрагмента по теории движения, один из которых представлял практически законченную книгу. Именно эти фрагменты вошли в первый том издания Фаваро. Исключительная важность этой рукописи состоит в том, что в ней резюмированы ранние механические представления Галилея, оказавшиеся в каком-то смысле исходной точкой на пути к одной из «двух новых наук», т. е. к математической науке о движении.

Встречи историков науки в Ницце стали

уже традиционными благодаря активности гостеприимного профессора П. Суффрена. В июне 1990 г. здесь состоялось заседание семинара по теме «Концепция скорости от Архимеда до Галилея»; в марте 1992 г. обсуждались проблемы теории движения, преимущественно у Буридана и Орема; сентябрьский семинар 1993 г. также был посвящен средневековой физике. Штудии по «De motu antiquiora» проходили в первый раз в июне 1994 г. В настоящее время работа этого семинара проходит под эгидой международной программы научного сотрудничества «От „новой физики“ XIV в. до „новой науки“ Галилея».

19 ноября на заседании семинара с лекцией «Тринадцать последних глав „трактата из 23 глав“» выступил П. Суффрен. В папке Галилея лежало четыре рукописи: 1) трактат «De motu» из 23 глав; 2) вариант двух первых глав; 3) эссе о движении из 10 глав; 4) неоконченный диалог о движении. До сих пор у историков нет единого мнения о том, в каком порядке создавались эти тексты. Последние десять глав — с 14 по 23 — стали предметом обсуждения в лекции Суффрена. С его точки зрения, для правильного понимания содержания второй книги «De motu» необходимо обратиться к 7, 8, 9 главам первой книги (отсюда и появляются 13 глав, вынесенных в название лекции). В них Галилей отождествляет статику (равновесие рычага), гидростатику (равновесие тела, погруженного в жидкость) и динамику (движение

Организаторы и участники конференции. Стоят: Пьер Суффрен и Даниеле Наполитани. Сидят: Мишель Блей, Карло Маккани, Марио Отто Хеблинг

Пьер Суффрен представляет участникам конференции журнал «Вопросы истории естествознания и техники»

тела). Отождествление строится на двух ключевых принципах: «скорость неотделима от движения» и «скорость равна тяжести». Второй из этих принципов ошибочен, и Галилей со временем от него отказался. Суффрен коснулся в этой связи двух весьма существенных историко-научных вопросов: во-первых, очевидно, что до сих пор недостаточно изучен вопрос об эпистемическом влиянии Архимеда на раннее творчество Галилея; во-вторых, нужно по-новому осмыслить вопрос о роли ошибочных положений. Вообще говоря, исследователей творчества Галилея можно разделить на две большие группы. Первые, находя ошибки в математических доказательствах Галилея и его исходных принципах (аксиомах), пытаются понять, каким же образом великому ученому все же удавалось приходиться к правильным выводам. Вторые (самые яркие среди них — С. Дрейк и А. Фаваро) отрицают существование подобных ошибок. По их мнению, историк должен правильно понять, какой смысл Галилей вкладывал в термины, которыми оперировал, и тогда представление об «ошибках» просто снимается. П. Суффрен принадлежит к первой группе, и для него анализ ошибок и ошибочных теорий (их стимулирующего влияние на развитие науки) очень важен. Именно эти вопросы оказались в центре внимания последовавшей далее продолжительной дискуссии.

Следующие две лекции были тематически связаны. Первым выступил Микеле Камерота (Ун-т Кальяри, Сардиния) — «Принципы интерпретации „De motu“». Опыт аналитической библиографии». Вторым выступил (в соавторстве с Мизе, г. Лилль) Мохамед Аббатуй (г. Фэс, Марокко) — «Материалы, относящиеся к хронологической классификации различных текстов „De motu“». Обе лекции строились на ана-

лизе обширной литературы, посвященной данному вопросу.

20 ноября с лекцией «Философские источники „De motu“ и естественная философия в Пизе во времена Галилея» выступил проф. Марио Отто Хеблинг (г. Цюрих). Г-н Хеблинг — автор книги об аристотелевской традиции в Пизанском университете — рассматривает творчество Галилея на основе детального изучения всего культурно-исторического философского контекста той эпохи. Историками много писалось о том, что Галилей, определявший себя как последовательного аристотелианца, якобы предпочитал философской системе Аристотеля его философский метод и считал необходимым пересматривать систему, если того требует метод. Однако вопрос о том, насколько творчество Галилея вписывается в рамки аристотелевой традиции, остается нерешенным. А. Койре, например, настаивал на том, что механика Галилея близка теории Бенедетти и весьма красиво отстаивал этот тезис. Но можно ли проследить подобную связь между философскими взглядами коллег и преподавателей Галилея и его собственными взглядами? Один из исследователей (католический священник о. Уоллес) показывал, что на Галилея оказал большое влияние один из его преподавателей в Пизе — Бенедикт Перейро. По мнению Хеблинга, необходимо также оценить влияние Борро, Маццони, Телезио, Мойнетто Майнетти. Наиболее видный ученый, который может рассматриваться как предшественник Галилея, — Буонамичи. В его рукописях можно найти рассуждения о самораспаде импульса, а также описание эксперимента на Пизанской башне (что весьма похоже на эксперимент, описанный Вивиани в биографии Галилея). После лекции были заданы многочисленные вопросы и также состоялась дискуссия.

В заключение хотелось бы упомянуть о некоторых особенностях семинара, организованного П. Суффреном и Д. Наполитани. Заседания проходили в конференц-зале шикарного отеля «Вестминстер конкорд», расположенного на Променад д'Англе по соседству с легендарным «Негреско». Просторные, удобные номера, выходящие окнами на Средиземное море, обошлись участникам на удивление дешево. Разгадка проста. Хозяин отеля — коллега Суф-

френа по университету, специалист по античной филологии. В знак профессиональной солидарности он предоставил конференц-зал бесплатно, а за проживание и питание назначил минимальную плату. Некоторые его студенты работают в том же отеле грузчиками, портье, официантами, поварами. Учебу это затягивает, но дает возможность жить.

Д. А. Баяк

Семинар по эволюционной биологии в Санкт-Петербурге

22 ноября 1994 г. в Санкт-Петербурге заседанием, посвященным 250-летию со дня рождения Ж. Б. Ламарка, начался пятый год работы Общегородского семинара по эволюционной биологии, который был основан в мае 1990 г. по инициативе ряда ленинградских историков науки и биологов. (Сопредседателями семинара были избраны Ю. И. Полянский и Э. И. Колчинский.) На учредительном собрании Ю. И. Полянский выступил с программным докладом «Традиции отечественного эволюционизма», в котором подчеркнул необходимость обращения к истории эволюционной мысли для плодотворного исследования актуальных проблем эволюционной биологии. В программе Семинара специально отмечалось, что одним из основных направлений его деятельности станет «обсуждение истории важнейших проблем эволюционной биологии и их современного состояния».

Соучредителями Семинара наряду с СПбФ ИИЕТ РАН выступили две общественные организации — Санкт-Петербургское Общество естествоиспытателей и Союз ученых. В дальнейшем к ним присоединилось Вавиловское общество генетиков и селекционеров. Среди участников Семинара были представители практических всех научно-исследовательских институтов биологического профиля и высших учебных заведений Санкт-Петербурга, прежде всего университета, в стенах которого, как правило, и проходят заседания Семинара.

На Семинаре уже заслушано более двадцати докладов (5—6 заседаний в год), часть их носила остро дискуссионный характер, что было связано с самим предметом обсуждения: теоретические основания современной систематики, неканонические формы наследственной изменчивости и их роль в эволюции, возможность использования морфологических и молекулярно-биологических методов для интерпретации отдельных макроэволюционных событий и т. д. Дискуссии подтвердили, что самые разные проблемы эволюционной биологии не могут быть адекватно рассмотрены вне исторического контекста. Тема истории науки вошла органической составляющей в, казалось бы, сугубо специальные доклады: Э. И. Воробьевой (ИЭМЭЖ РАН) «Роль гетерохронии в эволюции наземных позвоночных», Н. Н. Воронцова (ИБР РАН) «Экологическая ситуация в России и сопредельных странах», С. Г. Инге-Вечтомова (СПбГУ) «Эволюционно-консервативная система неоднозначной трансляции», Б. М. Медникова (МГУ) «Проблема СПИД с общебиологических позиций», Я. И. Старобогатова (ЗИН

РАН) «О соотношении систематики и филогенетики в ходе построения системы живых организмов», А. М. Уголева (ФИН РАН) «Концепция универсальных функциональных блоков. Эволюционные аспекты».

Специально посвященные истории науки доклады стали естественной частью работы Семинара. Наибольший интерес вызвали доклады: «Мифологическое в экологии» А. М. Гилярова (МГУ), 1990; «Борьба за существование и другие метафоры в биологии» Д. Тодеса (США), 1992; «Лысенкоизм в „кривом зеркале буржуазной науки“» М. Б. Конашева и Н. Л. Кременцова (СПбФ ИИЕТ), 1993; «История книги „Взлет и падение Лысенко“» Ж. А. Медведева (Англия), 1993.

В марте 1992 г. на базе Семинара совместно с Санкт-Петербургским отделением Общества анатомов, гистологов и эмбриологов проведена конференция, посвященная 200-летию со дня рождения К. М. Бэра. С докладами выступили Ю. И. Полянский (ЦИН РАН), В. П. Михайлов (ИЭМ), А. К. Дондуа (СПбГУ), Ю. В. Мамкаев (ЗИН РАН), И. М. Беляева (БАН), Е. И. Загорская (БАН).

В феврале 1994 г. на заседании в честь 100-летия со дня рождения И. И. Канаева — одного из наиболее авторитетных биологов и историков науки — были заслушаны доклады К. В. Майнойленко, М. Д. Голубовского (СПбФ ИИЕТ).

26 ноября 1994 г. с докладом «Похвальное слово Жану Батисту Ламарку» выступил Л. Р. Серавин, подчеркнувший, что в течение долгого времени взгляды Ламарка получали неверное толкование. В первую очередь это касается эволюционных воззрений выдающегося французского естествоиспытателя. Ламарк нередко исчезал в тени ламаркизма XIX и XX вв., превращаясь, волюн или неволюн, всего лишь в одного из незадачливых предшественников Ч. Дарвина. Между тем заслуги Ламарка в развитии биологического знания имеют непреходящее значение. Достаточно вспомнить хотя бы такие его труды, как трехтомную «Флору Франции» (1778), «Мемуары об ископаемых из окрестностей Парижа» (1802—1806), положившие начало палеонтологии беспозвоночных, наконец, ставшую классической восьмитомную «Естественную историю беспозвоночных животных» (1815—1822). Не получило адекватной оценки и место Ламарка в истории становления актуалистического метода, воплощенного в его «Гидрогеологии» (1802), где было впервые сформулировано и представление о биосфере. По мнению доклад-

чика, эволюционная теория Ламарка тоже должна быть переосмыслена. Представление о наследовании приобретенных признаков следует рассматривать в свете современных знаний о цитоплазматической наследственности, стабилизирующем отборе, а концепцию флюидов как предвозвестницу теории нейро-гуморальной регуляции.

Обсуждение общих тенденций развития теории эволюции было продолжено в докладе Л. П. Татарина (ПИН РАН) «Современное состояние теории эволюции» (20 декабря). Докладчик остановился не столько на характеристике основных положений, образующих основу современного взгляда на эволюцию органического мира, сколько на анализе тех влияний, которые так или иначе меняли структуру того теоретического образования, которое называют теорией эволюции. Воздействия эти были до-

статочно разнообразны и связаны с развитием различных отраслей биологического знания: молекулярной биологии, экологии, палеонтологии, паразитологии и т. д. Было отмечено, что современная теория эволюции является, скорее, сложной метатеоретической структурой, чем единой концепцией. В то же время она сохраняет теснейшую историческую преемственность с тем, что может быть названо «дарвиновской традицией».

Ряд докладов, прозвучавших на семинаре, составили сборник «Эволюционная биология» (в серии Трудов Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей: 1994. Т. 90. Вып. 1), посвященный памяти Ю. И. Полянского.

*Э. И. Колчинский, М. Б. Кошарев,
С. А. Орлов (Санкт-Петербург)*

Современное состояние исследований по истории авиации и космонавтики

22 ноября 1994 г. в ИИЕТ РАН состоялась торжественное заседание сектора истории авиации и космонавтики, посвященное 70-летию юбилею его бессменного руководителя, академика Международной академии астронавтики В. Н. Сокольского. На этом заседании были подведены некоторые итоги многолетней деятельности сектора, проанализированы стоящие перед ним новые задачи.

В. Н. Сокольский начал работать в Институте с 1956 г. (после окончания аспирантуры ИИЕТ), и, естественно, на его творческий путь повлияли существовавшие в то время социальные условия. Дело в том, что ИИЕТ, как и существовавший ранее под руководством академика Н. И. Бухарина ИИИТ АН СССР, был тогда встроены в идеологическую систему ЦК КПСС. Основная задача, стоявшая перед этими учреждениями, заключалась в разработке «марксистской» истории науки и техники, показе преимуществ социалистического пути развития и неизбежного перехода на него всей человеческой цивилизации. Чисто познавательные задачи были не главными и практически полностью подчинялись идеологическим. Такая ситуация была характерна для всего советского периода.

В этих условиях наиболее принципиальные и порядочные историки сосредоточивали свое внимание на делах давно минувших дней. Одним из них был В. Н. Сокольский, который в 1961 г. подготовил книгу «Ракеты на твердом топливе в России» [1], охватывавшую период их развития с зарождения до 1917 г. Эта книга была и остается лучшей по этой проблематике. В 1967 г. она была издана в США.

Пытаясь обойти проблемы, связанные с секретностью предмета исследования, В. Н. Сокольский и руководимый им сектор сосредоточили свое внимание на отдельных вопросах, по которым было достаточное количество доступных материалов. Под руководством В. Н. Сокольского и при его непосредственном участии был издан трехтомник [2] избранных трудов советских и зарубежных пионеров космонавтики, позволивший широким кругам научной общественности познакомиться с малоизвестными

работами К. Э. Циолковского, Ф. А. Цандера, Ю. В. Кондратюка, С. П. Королева, М. К. Тихонравова, В. П. Глушко, Р. Годдарда, Г. Оберта, Р. Эсно-Пельтий и др.

Сектор всегда уделял большое внимание работе с научным активом. Среди ученых, сотрудничавших с сектором, было много видных специалистов — академиков, главных конструкторов, лауреатов Ленинской и Государственной премий, Героев Социалистического Труда и других видных ученых, стоявших у истоков развития авиации и космонавтики в нашей стране. Руководимая В. Н. Сокольским секция истории авиации и космонавтики Национального Комитета по истории и философии науки и техники с 1964 г. начала выпускать сборник «Из истории авиации и космонавтики», который выходит и сейчас (за 30 лет опубликовано 65 выпусков). Это издание сплотило вокруг себя сотни исследователей и в настоящее время является одним из наиболее серьезных изданий в этой области как в нашей стране, так и за рубежом.

Большое участие принимают В. Н. Сокольский и сотрудники сектора в работе Комиссий РАН по разработке научного наследия К. Э. Циолковского, Ф. А. Цандера, С. П. Королева, Б. Н. Юрьева и других основоположников авиации и космонавтики. Фактически благодаря этим Комиссиям специалисты по авиационной и ракетно-космической науке и технике в годы чрезмерной секретности имели возможность публиковать свои открытые работы.

Большое внимание сектор уделял также международным связям в области истории аэрокосмической науки и техники. С 1971 по 1993 гг. в нашей стране (в Москве, Ленинграде, Киеве, Калуге) было проведено 9 международных симпозиумов по истории авиации и космонавтики, в работе которых приняли участие многие видные зарубежные ученые, в том числе Г. Оберт (Германия), С. Дрейпер (США), Л. Перек (Франция), Л. Наполитано (Италия), Ф. Дюрант (США), Р. Пешек (Чехословакия), Л. Карафоли (Румыния) и др. На протяжении

ряда лет сектор поддерживал научные связи с Историческим отделом НАСА США, Обществом аэрокосмической науки и техники ГДР, Национальным аэрокосмическим музеем (Вашингтон), Немецким музеем науки и техники (Мюнхен), Британским обществом истории воздухоплавания и др.

В. Н. Сокольский всегда много внимания уделял подготовке научных кадров исследователей в области истории авиации и космонавтики (всего за время работы сектора в нем было подготовлено 36 диссертационных работ). Некоторые аспиранты были оставлены для работы в секторе и стали публиковать свои книги (см., например, [3, 4]).

Следует подчеркнуть, что для общих историко-технических исследований недавнего времени были характерны описательные фактографические работы. Писались они (да и до сих пор пишутся) по принципу: «а вот еще был случай» (была машина, конструкция). Концептуальных работ не было, да в условиях марксистско-ленинского единomyслия и быть не могло. Все новации ограничивались лишь «конструированием» неизвестных ранее фактов. Например, в работе [4] на основе сведения воедино разрозненной американской информации удалось выявить несколько новых и в целом секретных методов охлаждения жидкостных ракетных двигателей.

В последние годы сотрудниками сектора выпущено много историко-технических работ [5—10 и др.]. Приятно, что в работах [5, 6] достаточно полно представлена история вертолетостроения.

Наряду с этим сектор уделяет внимание и теоретическим разработкам. Прежде всего следует отметить работу «Методы историко-технического анализа» [11], готовящуюся к публикации. Она написана на примерах из истории авиации и космонавтики и ставит своей целью выявление специфики познавательного процесса у историков техники.

В 1990—1991 г. вышла в свет серия статей [12—14], в которых впервые была сделана попытка разработать концепцию исторического прошлого космонавтики. В 1993 г. вышла в свет научно-популярная книга [15], в основу которой и была положена концепция, представленная в статьях [12—14].

В секторе завершена работа и по решению ряда эвристических задач на основе истории ракетно-космической техники. В частности, оказалось, что, используя историческую информацию, можно выявлять методические подходы к разработке технических объектов, методы достижения необходимого уровня их качества и надежности. При этом интересно, что сами разработчики технических объектов о существовании этих подходов обычно даже не подозревают, хотя невольно следуют им.

Еще одна аналогичная по своему характеру задача состояла в том, чтобы выявить некоторые регулятивные принципы принятия управленческих решений в космонавтике. В самом деле, история космонавтики — это история таких решений. Причем историк знает все условия и причины возникновения соответствующей проблемы, управленческий приказ, направленный на ее решения, ход его выполнения, полученный

результат. Сопоставляя последний с намерением, можно судить о степени правильности принятия управленческого решения и сделать затем соответствующие обобщения. Остается сожалеть, что эти работы сектора не публикуются из-за отсутствия средств.

Большое внимание в секторе уделяется и подготовке к написанию коллективных многотомных трудов по истории космонавтики. Разработана и проходит обсуждение методология этой работы, анализируются возможности написания отдельных глав, подбираются авторы и, конечно, делаются попытки найти необходимые средства.

Таким образом, в развитии сектора истории авиации и космонавтики в последние годы произошел качественный скачок. Решаемые задачи по своей постановке не имеют аналогов в мире, некоторые из полученных результатов могут стать предметом законной гордости как сотрудников сектора, так и их руководителя В. Н. Сокольского.

Г. М. Салахутдинов

Список литературы

1. Сокольский В. Н. Ракеты на твердом топливе в России. М., 1963. Пер. на англ.: Sokolsky V. N. Russian Solid Fuel Rockets. Washington, 1967.
2. Пионеры ракетной техники: В 3 т. М., 1964—1977.
3. Назаров Г. Н., Михайлов В. П. Развитие техники пуска ракет. М., 1976.
4. Салахутдинов Г. М. Развитие методов теплозащиты жидкостных ракетных двигателей. М., 1984.
5. Михеев В. Р. Вертолеты дореволюционной России. М., 1992.
6. Михеев В. Р. Развитие схем винтокрылых летательных аппаратов. М., 1993.
7. Катъшев Г. И., Михеев В. Р. Крылья Сикорского. М., 1992.
8. Катъшев Г. И., Михеев В. Р. Авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский. М., 1989.
9. Соболев Д. А. Самолеты особых схем. М., 1987.
10. Соболев Д. А. Рождение самолета. Первые проекты и конструкции. М., 1988.
11. Салахутдинов Г. М. Методы историко-технического анализа. Рукопись. ИИЕТ РАН.
12. Мишин В. П., Салахутдинов Г. М. Человеческая ориентация развития космонавтики // Наш современник. 1990. № 3. С. 94—101.
13. Мишин В. П., Салахутдинов Г. М. Еще раз о космосе // Огонек. 1990. № 34. С. 4—5.
14. Салахутдинов Г. М. Методологические проблемы развития космонавтики // Труды двадцать четвертых чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского (Калуга, 12—15 сентября 1989 г.). Секция «К. Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». М., 1991. С. 28—40.
15. Салахутдинов Г. М. Приключения на орбитах. М., 1993.

Коротко о событиях

9—10 ноября 1994 г. Москва. В ИИЕТ РАН состоялась конференция, посвященная 100-летию со дня рождения П. Л. Капицы, Я. И. Френкеля, П. И. Лукирского, И. В. Обреимова.

Со вступительным словом выступил Вл. П. Визгин.

На заседаниях были заслушаны следующие доклады: «Дискуссия между Френкелем и Ландау по проблеме фазовых переходов» (В. Х. Козловский), «О двух знаках времени» (Г. В. Рязанов), «Концепция дальнего действия в трудах Я. И. Френкеля» (Ю. С. Владимиров), «Релятивистские сюжеты в творчестве Я. Г. Френкеля» (Вл. П. Визгин), «Петр Иванович Лукирский — ученый и гражданин» (В. Я. Френкель, Санкт-Петербург), «П. Л. Капица — инженер» (В. М. Броднянский), «О лекциях П. Л. Капицы для первого набора физтеха» (Д. Б. Диатропов), «О некоторых „спасательных операциях“ П. Л. Капицы» (П. Е. Рубинин), «Жизнь и творчество И. В. Обреимова» (Т. К. Литинская), «Труды И. В. Обреимова в области кристаллографии» (А. А. Урусовская).

На конференции присутствовали родственники и бывшие сотрудники юбиляров, которые рассказали о многих интересных эпизодах их жизни.

* * *

20—22 декабря 1994 г. Москва. В ИИЕТ РАН состоялся 51-й пленум Национального Комитета РАН по истории и философии науки и техники (Отделение истории естествознания и техники).

Со вступительным словом «О задачах историков науки и техники на современном этапе» выступил В. М. Орел.

На пленарном заседании были прочитаны следующие доклады: «О некоторых вопросах организации историко-научных исследований за рубежом» (А. В. Постников), «О международных научных связях историков науки и техники» (А. И. Володарский, С. С. Демидов), «О задачах историков науки и техники в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне» (В. Ж. Келле, Е. А. Шитиков). Работали следующие секции: 1. Общих проблем истории естествознания (Е. Н. Молодцова «Учение о четырех телах Будды в тибетском буддизме», Ю. В. Чайковский «Метод познавательных моделей»); 2. Истории агронауки (А. А. Никонов «Значение Всероссийского института растениеводства для развития отечественной агронауки (к 100-летию ВИРа)», А. Ф. Зазимко «Фонд А. Т. Болотова и его задачи», Е. М. Сенченкова «Итоги работы секции агронауки и ее перспективы»); 3. Истории математики (С. С. Демидов «История математики в России и за рубежом»); 4. Истории химии и истории биохимии и медицины (А. Н. Шамин «Программы исследований по

истории химии», В. И. Кузнецов «Роль истории химии в гуманизации образования», М. А. Ковнер «Применение спектроскопии и квантовой химии в решении проблем биологии и медицины», Б. В. Логинов «Элементы цикличности в генезисе и развитии продуктивных научных направлений»); 5. Истории геологии и географии (А. В. Постников «К истории картографирования русской Америки. 1741—1867 гт.», А. Ф. Плахотник «Один из новых методов создания истории науки за последние десятилетия», А. Г. Ганжа «Эволюционно-экологический и географический подход в изучении исторического процесса: прошлое в настоящем»); 6. Истории организации научно-технической деятельности и научной политики (Ю. И. Кривонос «Разработка предложений по формированию научной политики в области экологии», Г. А. Лахтин «Современный этап организационно-экономического развития отечественной науки»); 7. Истории биологических наук (Н. А. Григорьев «Наука и война», Э. Н. Мирзоян «Ж. Б. Ламарк»); 8. Истории географии и источниковедения (Л. А. Маркова «Судьба основных характеристик естествознания в историографии науки конца XX в.»); 9. Истории социологических проблем развития науки и техники (Е. З. Мирская «Социологические аспекты самоорганизации науки на современном этапе», Г. Г. Дюментон «Социологические аспекты интеграции российской науки в мировую науку», А. М. Цукерман «Судьба российской отраслевой химической науки в связи с перестройкой экономического уклада»); 10. Истории горной науки и технологии, на которой состоялся «круглый стол» по теме «Экология и геотехнология». В его работе приняли участие Г. Р. Буткевич, К. И. Джафаров, Н. Л. Чичерова.

* * *

19 января 1995 г. Москва. В ИИЕТ РАН состоялось заседание общеинститутского семинара «Наука как открытая система» (рук. С. С. Демидов, Н. И. Кузнецова). С докладом «Об определениях первой книги „Начал“ Евклида» выступил А. В. Родин.

* * *

26 января 1995 г. Москва. В ИИЕТ РАН совместно с Московским центром Русского Географического общества была проведена конференция «История изучения и освоения природных ресурсов Московского края».

* * *

26—28 января 1995 г. Москва. В Историко-архивном институте РГГУ прошли Вторые чтения, посвященные памяти А. А. Зимина «Россия в X—XVIII вв. Проблемы источниковедения». На пленарном заседании были представ-

лены следующие доклады: С. М. Каштанов «А. А. Зимин. Штрихи к портрету»; Е. П. Маматова «Вспоминая А. А. Зимина»; Э. С. Радзинский «А. А. Зимин»; С. С. Илизаров «Разбуженные словом А. А. Зимина: историк науки И. Н. Веселовский»; А. М. Дубровский «Ученый и общая концепция отечественной истории». С воспоминаниями и сообщениями выступили С. О. Шмидт, В. П. Козлов, А. Л. Хорошкевич и др. На заседаниях секций «Спорные проблемы отечественной истории Х—XVIII вв.», «Историография», «Теория источниковедения и методика преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин», «Архивоведение, археография и проблемы публикации исторических источников феодальной эпохи», «Историческая география», «Источниковедение отечественной истории», «Летописеведение», «Генеалогия и биография», «Русская духовная культура», «История книги», «Дипломатика и сфрагистика» было представлено свыше 150 докладов и сообщений.

Очередная ежегодная конференция, проводимая кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ совместно с Археографической комиссией РАН при участии историко-филологического факультета, философского ф-та и Центра им. Марка Блока РГГУ состоится в конце января 1996 г. На конференции «Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании» предполагается обсудить следующие проблемы: 1) Компаративистика: проблемы методологии; 2) Методология источниковедения в сравнительно-исторических исследованиях (эволюция типов, видов и разновидностей исторических источников как критерий компаративистики; источники и методы их изучения в междисциплинарных исследованиях в сфере различных наук; источниковедческие основы компаративистского изучения истории — эпох, стран, регионов, проблем); 3) Вспомогательные науки истории: компаративные аспекты; 4) Научное наследие отечественной компаративистики; 5) Компаративный метод в исторической науке; 6) сравнительно-историческое изучение литератур: современные проблемы компаративистики.

В рамках конференции планируются «круглые столы» по темам: «Компаративный метод как одна из основ современного подхода к истории науки», «Компаративистика в гуманитарном знании: проблемы преподавания».

Тезисы докладов и сообщений объемом до 4 стр. машинописного текста (7000 знаков компьютерного набора) в 2-х экз. присылать до 28 апреля 1995 г. по адресу: 103642, Москва, ул. Никольская, 15. Историко-архивный институт РГГУ; кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Казакову Роману Борисовичу. К тезисам необходимо приложить сведения об авторе: фамилия,

имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, адрес.

* * *

30 января — 3 февраля 1995 г. Москва. Состоялись XIX Научные чтения по космонавтике, посвященные памяти академика С. П. Королева и других выдающихся ученых — пионеров освоения космического пространства. В подготовке чтений принимали участие Комиссия РАН по разработке научного наследия пионеров освоения космического пространства, Российский Национальный Комитет по истории и философии науки и техники, ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН и другие организации. На пленарных заседаниях были заслушаны доклады: «Космонавтика — национальное достояние России» (Ю. Н. Коптев, В. В. Алавердов), «Роль ракетной техники в Великой Отечественной войне (к 50-летию Победы)» (А. А. Курушин), «Д. Д. Севрук и создание ракетных двигателей и космических двигательных установок» (Н. Н. Пономарев-Степной, Л. А. Квасников), «Перспективы и задачи международной космической программы „Альфа“» (В. П. Легостаев), «Итоги года Гагарина и основные задачи историографии первого полета человека в космос» (Ю. В. Бирюков). Работа проводилась по секциям, две из которых были посвящены вопросам истории ракетно-космической науки и техники. На них были заслушаны доклады: «Характерные черты советских конструкторских школ ракетно-космической техники» (Б. Е. Черток), «Вклад А. М. Исаева и его школы в развитие ракетно-космического двигателестроения» (В. Н. Богомолов, Ф. В. Цетлин). С докладами и сообщениями о роли ракетной техники во Второй мировой войне выступили Ю. А. Можжорин, Ю. Г. Демянко, Л. А. Смирнов, Б. Е. Черток. Были также заслушаны доклады: «О концепции ракетной конструкции в творческих планах В. П. Глушко» (Г. С. Ветров), «О создании советского Центра управления полетами и его работе по проекту экспериментального полета „Аполлон-Союз“» (Ю. А. Можжорин), «К истории подготовки пилотируемого полета к Луне на предприятии С. П. Королева» (В. А. Пацаева), «О влиянии административной системы на развитие ракетно-космической техники в СССР» (С. В. Голотюк), «К истории проблемы квантования полезных грузов в мировой космонавтике» (Д. Б. Пайсон), «Развитие космических аппаратов контроля пространства в период 1963—1983 гг.» (С. В. Александров).

* * *

30 января—3 февраля 1995 г. Тула. Состоялась Вторая республиканская научная конференция «Тульский металл в истории промышленности и предпринимательства».

Вниманию читателей!

Сообщаем, что Российский гуманитарный научный фонд (Генеральный директор д. ф. н. проф. Евгений Васильевич Семёнов) переехал по адресу: 193366, Москва, ул. Ярославская, д. 13. Тел.: 283-55-40. Следите за дальнейшей информацией о деятельности Фонда!

В конце номера

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МЕХМАТСКОЙ ЖИЗНИ»

Предисловие к первой полной публикации романа в стихах «Евгений Неглинкин»

В начале 1939/40 учебного года два студента механико-математического факультета МГУ — Александр Штерн и Леонид Трудлер, сочинив пару весьма посредственных виршей для надобностей студенческих вечеринок (посредственность этих юмористических стишков ни для кого не была тайной, и для их авторов — в первую очередь), задумали стихотворно изобразить «энциклопедию мехматской жизни». В качестве прототипа (разумеется, абсолютно недостижимого) решено было взять «энциклопедию русской жизни», по определению В. Г. Белинского, т. е. «Евгения Онегина».

Писать мы стали на лекциях по политэкономии, которых никто не слушал — были соответствующие брошюры, — и лекциях по теории функций комплексного переменного, которые читал член-корр. АН СССР проф. И. И. Привалов. Лекции он читал хорошо, но ни на йоту не отступая от собственного учебника, а значит — уже умеющим учиться и сдавать экзамены третькурсникам достаточно будет недели (пять дней на первое чтение его, два дня — на второе), чтобы сдать на «5». Наши случайные слушатели или читатели того времени упрекали нас иной раз, что, мол, мы посмели написать пародию на «Онегина». Мы же считали, что именно понимая все величие прототипа, никто не сочтет это пародией, ибо пародировать Пушкина невозможно — тому есть грустные примеры, а изображать Моську, лающую на слона, совсем уж не хотелось. Нет, все написанное — не более чем шутка, в основе своей имевшая реальные события студенческой жизни нашего любимого, незабываемого мехмата.

С самого начала мы договорились, что автор у поэмы будет один — иначе всегда начинаются домыслы: кто же автор на самом деле, а кто «и». (Ильф «и» Петров или наоборот?) Мы считали, что каждый из нас составляет 30% автора, оставшиеся же 40% «набегают», когда мы пишем вдвоем — в данном случае каждый из нас должен был выступать нелицеприятным критиком другого, что очень ценно в работе непрофессионалов, склонных переоценивать результаты своих трудов. Так появился на свет божий «мэтр» Аллеон Труште. (Трагические обстоятельства сложились так, что мой соавтор погиб на фронте в 1944 г.)

В конце 60-х гг. академик А. Н. Колмогоров прочитал в аудитории Политехнического музея лекцию о приложениях математических методов к изучению законов стихосложения, в которой, в частности, в доказательство того, что формальное, так сказать, сочинение стихов — дело несложное, сослался и на наш «роман в стихах». Я, чудом попав на эту лекцию (видимо, помогли очки в золоченой оправе), послал ему записку, где подтверждал, что у нас была норма, а именно: одна лекция — одна строфа. Вместе с тем, писал я, по моему мнению, главное в изучении стихосложения — не какие-то общие закономерности, поддающиеся статистическому анализу, а конкретные вопросы — почему именно сказано: «Мой дядя самых честных правил», а не «добрых», «умных» или еще каких-то... А. Н. Колмогоров ответил на все посланные ему записки, кроме моей, что меня даже обидело, но потом выяснилось, что он передал мне через И. М. Яглома целое письмо, которое тот в свою очередь передал мне несколькими месяцами позже. Узнав от И. М. Яглома, что «Неглинкин» писался нами на лекциях И. И. Привалова, Андрей Николаевич сказал: «Правильно делали, на лекциях Привалова этим и следовало заниматься».

Теперь позвольте сделать некоторые пояснения к тексту нашего романа в стихах.

- «Сияют краги...» Краги — своеобразные кожаные голенища сапог с продольным разрезом, застегиваемым пряжками, крючками или иным образом.
- Механико-математический факультет помещался на третьем этаже здания МГУ, расположенного перед Манежем.
- По Моховой улице в то время ходил трамвай («Полнощный трамвай» — одно из упомянутых в начале шуточных стихотворений).
- Виктор Гусев и Иосиф Уткин — известные поэты советского времени, очень тогда популярные.
- Гаврила — мастер спорта Г. Н. Коробков, в дальнейшем — государственный тренер СССР по легкой атлетике. Умер около 1970 г.
- В тексте перечислены предметы, преподававшиеся на мехмате: «дифуры» — дифференциальные уравнения, ТФКП — теория функций комплексного переменного, анализ — курс математического анализа.
- Гурса Э. Курс анализа. Т. 1. Ч. 1. М., 1936.

А. Г. Штерн

АЛЛЕОН ТРУШТЕ

ЕВГЕНИЙ НЕГЛИНКИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не хочу учиться — хочу жениться.

Д. И. Фонвизин. «Недоросль»

Умри, Денис, — лучше не напишешь.

Автор

I

Горит восток зарею новой,
Звенит будильник полчаса,
Сыр коркою своей багровой
Ласкает взор. И колбаса,
Глазами сальными сверкая,
Как одалиска молодая,
На блюде томно возлежит,
Гурмана взор к себе манит.
О, колбаса, еда студента!
Едина ты питаешь нас,
Порой сочна, как ананас,
Порою тверже монумента,
Тобой лишь дышит и живет
Студентов радостный народ.

II

Но молодой герой поэмы
Вставить не торопился. Он
Любил поспать, как любим все мы.
Докучный отгоняя звон,
Глаза в томлени закрывает,
Как вдруг (о, ужас!) возникает
Сквозь безмятежных грез туман
Виденье ада — зам. декан!
Сияют краги желтым блеском,
Рукою твердой он как раз
Ужасный подписал приказ.
И искры рассыпают с треском
Его орлиные глаза...
Он весь, как божия гроза!

III

Герой, что сделалось с тобою?
Где безмятежной лени вид?
Как бы холодной водою
Внезапно бедный был облит.
Вскочил с постели, вмиг оделся,
Умылся и за стол уселся,
Не замечая ничего:
Декан ведь смотрит на него!
И утро все герой наш бедный,
Куда бы взор ни обращал,
И что б ни делал, все витал
Над ним декана призрак бледный.
Так, коршуна завидя тень,
Наседка мечется весь день.

IV

Шумит, гремит трамвай московский,
От крика стекла дребезжат,
И долго шума отголоски
За ним по улице летят.
Но кто всех яростней дерется?
Чей глас всех громче раздается?
То горемычный наш герой,
Висит, держась одной рукой.
Друзья «Полнощного трамвая»!
Пока он там шумит, орет,
(Хотя билета не берет),
Томить вас доле не желая,
Без промедленья, сей же час,
С героем познакомим вас.

V

Неглинкин, добрый наш приятель,
Мехматской нивы яркий цвет,
Гурса, Привалова читатель,
Танцор, отличник и поэт,
Был москвичом. Из школы средней
Унес он, кончив класс последний,
Свой аттестат, новейший блюз,
Да слабых знаньям легкий груз.
Он по-немецки еле-еле
Мог изъясняться и писать,
Мог старосте невинно лгать,
Прогуливая на неделе.
Чего ж еще! Мехмат нашел,
Что он вполне нам подошел.

VI

К безделью приучившись в школе,
Он здесь себя не утруждал,
Во время лекции на воле
По коридорам он гулял
С лицом задумчивым и нежным.
Когда ж прогульщикам мятежным
Пришла тяжелая пора,
И грозные выговора
Посыпались, худого слова
Не молвив, он на задний ряд,
Придя, сажился и подряд
Читал Бальзака и Баркова,
Спинозу, Гусева, Мюссе* —
Ему любезны были все.

* Вариант: Спинозу, Уткина, Мюссе.

VII

Неглинкин был в глазах доцентов
Неглупый малый, но ленив.
Он чтит профессоров. Студентов,
В них нрав беспечный оценив,
Считал он верными друзьями
И часто, часто вечерами
В пивной с компанией сидел,
И пиво пил, и раков ел.
Не избегая наслаждений,
Там часто сиживал и я,
Да слабо пиво для меня.
Но в чем он истинный был гений,
К чему стремился вновь и вновь,
Была, друзья мои, любовь.

VIII

Одетый как московский *dandy*
(иль современнее *pignon*),
Он вел поить дешевым бренди
Наивных дев иль страстных жен.
Любил в фривольном разговоре
С лукавством тайным в томном взоре
Коснуться будто невзначай

Высокой груди иль плеча.
Никто, как он, не мог умело,
С ученым видом знатока
Погладить ножку иль бока,
Последний страх развеять смело
И... Но нескромен разговор,
Стыдливо мы потупим взор.

IX

Однако долго мы болтали,
Куранты бьют девятый раз,
Пока мы тут вам рисовали
Портрет героя без прикрас.
Трамвай по Моховой тащился,
Евгений в нетерпенье злился
И подтолкнуть желал бы он
Ползущий медленно вагон,
Но вот и дом голубоватый,
Евгений на часы глядит —
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит Шершевскою гранатой,
И, щедро рассыпая мат,
Взлетел Неглинкин на мехмат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Оставь надежду, всяк сюда входящий.

Данте. «Божественная комедия», ч. I

I

Звенит звонок. Толпой нестройной
Студенты медленно бредут
К дверям. Прогульщик беспокойный,
Презрев учебы славный труд,
Всех встречающих на пути толкая,
Летит, как серна молодая,
По длинной лестнице в буфет,
Желая свой запутать след.
Так вор, в боязни жесткой таски,
Скрав чемодан, скорей идет
На площадь, где кишит народ,
И там гуляет без опаски.
Не поступай, читатель, так,
Когда ты сам себе не враг.

II

Еще один, еще — с дифуров,
С анализа, с ТФКП
Бегут оне. Кто раб амуров,
Кто устремляется к толпе,
Буфет набившей. Тяжкой тучей
Отряды вольницы летучей,
У стойки яростно крича,
Ножами рубятся сплеча —
То бой идет за ложки чайны,
Там, жадный разевая рот,
Рвут два студента бутерброд,
Тот, завтрак получив случайно,
Не прожевав, глотает вдруг,
Пока не вырвали из рук.

III

Но возвратимся вновь к герою.
Вон, словно туча саранчи,
Рой опоздавших мчит стрелою.
Меж них Неглинкин. Проскочив
Пред носом лектора, садится
И вид принять ученый тщится,
Но безуспешно. Он попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.
Еще в глазах горит отвага,
Угроза в сжатом кулаке,
А уж перо дрожит в руке.
Уж перед ним лежит бумага,
Он чертит сложных формул тьму,
Не понимая, что к чему.

IV

Но скоро чувства в нем остыли,
Он стал рассеянной писать,
Ему дурным примером были
Соседи. Он закрыл тетрадь,
На стуле томно растянулся,
Взглянул на доску, усмехнулся,
На лектора рукой махнул,
Отворотился и вздохнул,
И молвил: «Всех пора на смену.
Науки долго я терпел,
Но и анализа надоел».
Хандру свою обыкновенную
Почувял вновь. Зевнув, он стал
Осматривать знакомый зал.

V

Прекрасный зал (он был построен
Во вкусе русской старины)
Высокой чести удостоен:
Мехмата гордые сыны
За потрясенными столами
Сидят нестройными рядами,
Иные на доску глядят,
Иные весело галдят,
Неглинкин смотрит: вон Гаврила,
Сидит, как идол недвижим,
А подмастерья перед ним,
Как бы мартышки пред гориллой,
Кишат. От скуки он зевнет
И бицепс щупать им дает.

VI

Вон у окна, смотря направо,
Он видит: грозный, как утес,
Стоит недвижно, величаво
Поросший мохом длинный нос:
Под носа благодатной сенью,
Объаты негою и ленью,
Спят три студента. Ветерок
Из носа веет. Весь урок
Они невинно почивают,
И лектора орлиный взор,
И близ сидящих разговор.
Счастливец сих не достигают,
А к носу прочно прикреплен
Шершевский — удалой спортсмен.

VII

Такой прекрасный нос имея,
Умом он скромным обладал,
Он не читал Хемингуэя,
Зато «Повольников» читал.
Не люди рядом с ним сидели —
Лежали тяжкие гантели,
Гранаты, ядра... Но спортсмен
Был очень сильно удручен,
Что прыгнул только на полметра.
Ведь год прошел уже сполна,
Как он гантель на ремена
Взял, бросив циркуль геометра,
Чтоб нормы сдать на ГТО,
А все не сдал он ничего!

VIII

Он пред студенческой толпою
Небрежно бросил свысока:
Пройдет два месяца — звездой
На отвороте пиджака
Блеснет значок. Студенты робко,
Но все же спорили. «Коробку
Конфет иль пиво ставлю я!»
«Что ж, принимаем». — «Ну, моя
Победа будет», и без счета
Он начал заключать пари,
И скоро кружек сотни три
Набралось. Бодро за работу
Нелегкую принялся он
И ездить стал на стадион.

IX

Так год прошел. Но результаты...
О них и говорить смешно,
А обнаглевшие ребята
Уж пиво требуют пари.
Но нос свой он высоко носит,
Лишь на два дня отсрочки просит
И обвинять во всем готов
Своих ленивых тренеров.
Евгений обратился к Саше:
«Я слышал, ты все нормы сдал,
Мне это Гаврик рассказал.
А может, пиво будет наше?»
«Слабец», — Шершевский отвечал
И длинным носом покачал...

X

Но почему, — читатель спросит, —
О юных девах слова нет?
Где пол прекрасный? Он приносит
Нам столько радостей и бед,
Так отчего же из поэмы,
Которую с восторгом все мы
Читаем, не глядит на нас
Лукавство темнокарих глаз?
Сказать по правде, мы робеем
Петь деликатный сей предмет,
Но коль пути иного нет, —
Что ж, мы напишем, как умеем,
Пока ж главе приходит срок,
Тем более — звенит звонок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Люблю тебя, Петра творенье!

*Из шуточного послания А. С. Пушкина
к А. П. Керн*

I

Как звать ее: Марусей? Анной?
Ба! Таней! — именем таким
Страницы нашего романа
Не первые мы освятим.
Оно приятно, очень звучно,
И с ним, конечно, неразлучны
Печальный нрав и томный вид,

Зелено-желтый цвет ланит,
Простуда при любой погоде,
Трех нянь докучливый надзор,
Роман Жанлюс и прочий вздор,
Но ныне это все не в моде,
И девушка в наш юный век
Вполне нормальный человек.

II

Итак, она звалась Татьяной.
Ее восторженный поэт
Сравнить решился бы с Дианой —
И алых губок яркий цвет,
И глаз лазурное сиянье,
И томной груди трепетанье —
Все взоры привлекало к ней.
Она была всего милей,
Когда на лекции сидела
И, чуть головку наклонив,
Спеша писала вкось и вкривь,
Меж тем, как вокруг нее гудела
Толпа студентов. Как пчела,
Она прилежная была.

III

Неглинкин стройностию стана
И блеском хладного ума
Мечты невинные Татьяны
Смутил. Не ведая сама,
Она уже его любила,
Когда, стыдясь себя, следила
Из-под опущенных ресниц,
Как между тривиальных лиц
Явился бледный лик героя,
Такой изящный и простой.
И вот в ней сердце молодое
Забилось бурно, и само
Ей шепчет нежное письмо.

IV

Письмо Татьяны предо мною,
Вот я в руках его держу,
Читаю с тайною тоскою,
Но Вам его не покажу —
Вам не понять ни юный трепет,
Ни свежих чувств невинный лепет,
Сердечных мук, огня в крови, —
Вам не понять ее любви!
Как тонко мысль ее являла
Себя среди неровных строк,
Как был изящен нервный слог,
Когда она к нему писала
И предлагала щедрый дар:
Конспект и сердца первый жар.

V

Неглинкин, кавалер умелый,
Видавший виды ловелас,
Конверты с надписью несмелой
Вскрывал уверенно не раз.
И Тани милое посланье
Его усталое вниманье
Не приковало. Даже взять
Он отказался и тетрадь,
Решив: «Какого черта, право,
Зачем же бабья мне мазня,
Ведь не умней она меня,
И без конспекта сдам на славу».
И вот, когда звонок запел,
К Татьяне наш герой подсел.

VI

И молвил: «Вы ко мне писали,
Я очень тронут и польщен,
Но, понимаете, едва ли
Для чувств высоких я рожден.
А что касается тетради —
Зачем она? Потехи ради...
Ведь я анализ не учу
И заниматься не хочу».
«Ах, Женя, — Таня отвечала,
Печально голову склоня, —
Пускай не любишь ты меня,
Но чем тетрадь тебе мешала!?
Вчера вот у доски не взял
Ты очень легкий интеграл».

VII

«Быть можно дельным человеком
И интегралы не решать.
К чему напрасно спорить с веком,
Зачем других опережать?
Мне опротивели науки,
Меня тошнит от этой скуки,
На что конспект ты мне суешь?
Ему цена-то — медный грош.
Пусть знания мои хромяют,
Но погоди, придет зима,
И убедишься ты сама,
Какая, отлично "нахватаю».
И, бросивши тетрадь на стол,
В пивную наш герой пошел.

VIII

Едва дыша от оскорбления,
Как мрамор критский побледнев,
Внимала Таня без движенья,
Едва свой сдерживая гнев,
Евгения обидной речи.
Лишь тихо вздрагивали плечи,
И непослушная слеза
Слегка туманила глаза.
Когда ж Евгений удалился,
Она склонилась к рукам,
И сразу по ее щекам
Поток алмазный покатился,
Любви и горечи полна,
Так долго плакала она.

IX

А наш герой, собой довольный,
Надев потертый редингот,
Вдоль по Тверской походкой вольной
В бар, что на Пушкинской, идет.
И там за кружкою пивною,
Компаньей окружен хмельною,
Он с легким смехом рассказал,
Как ловко Таню отчитал.
Теперь ты видишь, мой читатель,
Герой наш поступил как хам,
Его за то ругал я сам,
И мне он больше не приятель,
Мне тошно про него писать,
К тому ж и песнь пора кончать...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На экзаменах глупцы предлагают вопросы, на которые мудрецы не могут ответить.

Оскар Уайльд

Все студенты обязаны сдавать экзамены за полный курс прослушанных предметов.

Из зачетной книжки

I

Зима. Студенты, нос повесив,
В читальню обновляют путь.
По градам вольным и по всеям
Молва: «Экзамены грядут».
И лишь известье прокатилось,
Все громко вдруг зашевелилось,
Повсюду суета и шум...
Студент становится угрюм,
Теряет аппетит, веселье,
Забросил книги и кино,
Небрит, нечесан он давно.
Прощай, привычное безделье,
Прогулов тайных тишина —
Пришли худые времена...

II

Теперь он, вставши спозаранку
(А как хотелось бы поспать),
Мчит, на ходу жуя баранку,
За книгой очередь занять.
Рукав засучивая, франты,
Чихая, тянут фолианты
Из-под постели, где зазря
Они валялись с сентября.
По залам бродит люд печальный:
Во МХАТе легче кресло взять,
Чем стул свободный отыскать
В набитой до краев читальне.
Там тяжкий гул и тяжкий дух,
Чтоб не уснуть, все зубрят вслух.

III

И я свои молодые лета
В читальне славной проводил...
Ах, много кануло их в Лету,
Веселых дней; но все мне мил
Страниц шуршащих шелест нежный,
Когда, рукой чертя прилежной
По белым девственным листам,
До вечера сидел я там.
Как люби мне твои чернилы,
Зеленый свет твоих лампад!
Студентки юныя сидят,
Головку наклонивши мило,
Над желтым томиком Гурса
И нежной ручкой волоса

IV

Чуть поправляют. Здесь впервые
Мою Адель я увидал.
Любви восторги молодые

Я здесь впервые узнавал.
Я помню вечер. Наши взоры
Скрестились как-то. Разговоры
Сперва случайно начались,
Но между тем мы увлеклись
И полюбили. О, как сладко
Мне было, когда я ей взял,
Смущаясь, первый интеграл!
Я до сих пор из той тетрадки
Храню поблекшие листы...
О, с кем теперь решаешь ты?

V

Но полно сердца жар напрасный
Вспоминаньем растравлять.
Вперед же, мой рассказ несвязный!
Теперь хочу я описать
В зеленой глубине читальни
Забывтый всеми угол дальний,
Где мой Евгений за столом
Сидит с измученным лицом.
С утра он ворох книг листает,
То чертит чисел длинный ряд,
То пишет формулы подряд
И ничего не понимает...
Разочарованный и злой
Идет в одиннадцать домой.

VI

Нет, поздно! Видит мой Евгений,
Что времени остаток мал,
И хоть по-прежнему в свой гений
Он верить не переставал,
Хотя он был все в той же мере
В своих способностях уверен,
И гордость ложная ему
Досель с вопросом ни к кому
Не позволяла обратиться,
Теперь он с болью осознал:
«Конспект — иль завтра я пропал!»
И уж по лестнице он мчится,
Не уставая повторять:
«Тетрадь! Полцарства за тетрадь!»

VII

Вы догадались уж заране,
Куда помчался наш герой:
К ней, к ней — к отвергнутой Татьяне!
Смотри, не поздно ль, милый мой?
Не без жестоких колебаний,
Мучений, гордости, страданий,
Себя переборовши, он

Пришел к Татьяне на поклон.
И вот с поникшею главою
Он перед Танею стоит
И, запинаясь, говорит:
«Да, виноват я пред тобою,
Был груб и низок мой ответ,
Я знаю, мне прощенья нет.

VIII

Но ты своей душою чуткой
Должна простить, должна понять.
Спаси меня из бездны жуткой.
Верни мне жизнь — дай мне тетрадь!»
Татьяна холодно внимала
Ему и с болью вспоминала
Те дни, когда была она
В такого типа влюблена.
Потом промолвила сурово:
«Теперь иные времена,
И мне самой тетрадь нужна!»
И больше не сказав ни слова,
С поднятой гордо головой
Ушла. Остался наш герой...

IX

Ушла последняя надежда,
И лик грядущего суров:
Стоит беспомощный невежда
Перед толпой профессоров.
Теперь на их проспекте праздник!
Кричат: «Попался, безобразник!
Ужо, разбойник, будешь знать,
Как нам на лекциях мешать!
А ну, возьмем его в работу!»
Тут гул по всей толпе прошел,
И тащат длинный черный кол.
Евгений вскрикнул и по поту,
Покрывшему его главу,
Узнал, что бредит наяву.

X

Я вижу — вам героя жалко.
Экзамен завтра — он пропал?
Не тут-то было! Он шпаргалку
Всю ночь до утра составлял.
Пусть утром казнь. Вновь без боязни
Он мыслит об ужасной казни.
Шпаргалка вышла хороша!
О, как поет его душа,
Когда трепещут под руками
Два листика, куда вписал
Он многих лекций матерьял

Миниатюрными знаками!
И, спрятав бережно на грудь
Шпаргалку, он пустился в путь.

XI

Идет, на мертвеца похожий,
Вдаль устремив застывший взгляд,
И долго встреченный прохожий
Глядит испуганно назад.
Бежавшая спокойно кошка,
Которой лапу он немножко
Носком тяжелым придавил,
Кричит из всех кошачьих сил.
Евгений их не замечает.
Он, бледный словно полотно,
Губами бледными одно
Определенье повторяет:
«Двух уравниений результат
Особый есть детерминант».

XII

Но вот мехмат. Евгений мнется,
В замочну скважину глядит,
Вздыхнув, рукой за дверь берется
И в залу входит. Страшный вид!
Доцент, профессор — колет, режет,
Вой, крики, плач, зубовный скрежет,
Пытаемых студентов стон —
И смерть и ад со всех сторон.
Нет, не могу, кладу перо я.
Чтоб описать кровавый пир,
Потребен минимум Омир.
Смутилось в голове героя,
Нетвердо он шагнул вперед —
Миг — и задание берет.

XIII

Заданье взято — жребий брошен.
Евгений вновь душой выиграл.
Нимало он не огорошен
Тем, что ни капли не понял
Сей теоремы. Оглянувшись
И низко над столом нагнувшись,
Шпаргалку ловко он достал
И пишет... Вдруг пред ним предстал
Профессор в гневе величавом...
Но здесь героя моего
В минуту злую для него
Я оставляю. Он со славою,
С позором кончил ли — как знать!
Мне завтра самому сдавать.

ABSTRACTS OF SOME ARTICLES

- Gaidenko P. P. **Christianity and the Genesis of Modern European Science.** The article shows that Christian theology (first and foremost, the dogmata of Creation and Incarnation) has influenced essentially the formation of modern science, helping blur the dichotomies between the «natural» and the «artificial,» and between the «heavenly» and the «earthly» worlds. This led to the overcoming of a fundamental distinction between mathematics as the science of ideal constructions and physics as the science of real things and their movements.
- Bekasova A. V. **The Russian Aristocrat's «Scholarly Pursuits» as a Way of Self-Realization (the Case of Count N. P. Rumiantsev).** The article examines the influence of aristocratic patronage on the development of science in early 19th-century Russia. Based on the case of Count N. P. Rumiantsev, it shows how an aristocrat realized himself in scholarly pursuits. Retired and suffering from the increasing deafness, Rumiantsev established a sort of private «history department,» directing its work personally by way of correspondence. He also extended his patronage to fields other than history, granting his means for, among other projects, the organization of a round-the-world scientific expedition. Taken as a whole, the «Rumiantsev department» comprised about 200 members, many of whom eventually came to occupy high positions in Russia's scholarly community.
- Elina O. Iu. **Science for Agriculture in the Russian Empire: Forms of Patronage.** The article examines various forms of patronage in the field of agricultural science in the late 19th — early 20th-century Russia. Focusing on the institutionalization and development of agricultural research, it highlights the motivations of patronage, the interests of different groups of patrons, the relations between and the historical dynamics of various forms of patronage.
- Laius Iu. A. **Scientists, Industrialists, and Fishers: Fisheries Science in the Murman Area, 1898—1933.** The article provides an account of the history of fisheries science in the Murman area, a region famous for having become the basis for the emergence of a number of trends and schools in the field of marine biology. A particular attention is given to the changing character of social interactions which included the contacts of scientists with (different) governments, industrialists, and fishers, and the attitudes of all these strata toward the work of fisheries scientists in the area.
- Savchuk V. S. **Scientific Societies and Cultural Revolution in Ukraine (1917—1931).** The article describes the activities of scientific societies in Ukraine following the 1917 revolution, and discusses the reasons of their eventual decline by the early 1930s, in the conditions of emerging administrative-command system of control over science.
- Vodichev E. G. **Scientific Center in Siberia: The Imperatives of Organization and the Images of Perception.** The article discusses the processes of organization and subsequent development of scientific complex in Siberia, particularly the so-called «Akademgorodok» near Novosibirsk. Describing the social-political reasons of its establishment, it pays special attention to the problem of its various public images, the successful choice of which proved instrumental for its rapid development in the late 1950s — early 1960s.
- Kuvshinov S. V., Sobolev D. A. **The Participation of German Aircraft Designers in the Making of Jet Planes in the USSR.** The article gives hitherto unknown information about the work of German aircraft designers deported to the Soviet Union after World War II. It documents the conditions of their life and labor in the Soviet design offices, and highlights the history of the making and testing in the USSR the jet planes they designed.